

© 1996 г. В.Б. КРЫСЬКО

МАРГИНАЛИИ К "СТАРΟΣЛАВЯНСКОМУ СЛОВАРИЮ"¹

Долгожданный, обещанный издательством "Русский язык" еще в 1991 году, "Старославянский словарь" (далее – ССС) наконец вышел из печати – в 1994-м. Острая необходимость в этом издании ощущалась в первую очередь российскими историками языка, чаще всего лишенными возможности обращаться к пражскому "Slovníku jazyka staroslověnského" (далее – SSS), который имеется лишь в самых крупных столичных библиотеках. Нечего и говорить об отсутствии у славистов России и СНГ первоисточников – самих старославянских текстов, первые публикации которых давно стали библиографическими редкостями, а зарубежные репринты просто недоступны. Таким образом, ССС, изданный достаточно приличным для научной книги тиражом в 5060 экземпляров, восполняет зияющий пробел частных и многих государственных библиотек. Благодаря появлению словаря историки-лингвисты получают в свое распоряжение обширный, тщательно и добротнo описанный материал. Высокий уровень ССС обуславливается квалификацией его авторов – чешских ученых Э. Благовой (составившей статьи на буквы д, н, к, њ, все предлоги и союзы), С. Геродеса (а, б, в, г, е, м, о – от начала до осадити), Л. Пацнеровой (ж, з, л, п), М. Бауэровой (о – от осадити до конца, частицы в буквах а – п) и российского палеослависта Р.М. Цейтлина (р – в); нелегкий труд редактирования столь объемистого тома (842 с.) разделили Р.М. Цейтлин, Р. Вечерка и Э. Благова.

"Предисловие" к словарю (с. 3–12) содержит краткий очерк старославянской лексикологии и лексикографии и общую характеристику самого ССС. Отмечается, что в словаре обработан весь лексический материал (около 10 тысяч слов) восемнадцати так называемых классических старославянских рукописей (список и общепринятые сокращения их названий хорошо известны, и далее мы будем использовать эти сокращения без расшифровок); остается лишь сожалеть, что новонайденные и частично уже опубликованные славянские рукописи не были учтены в ССС, так как работа над ним закончилась задолго до издания. Несколько парадоксально звучит, правда, следующая фраза из "Предисловия": «Древние надписи X–XI вв., представляющие громадный культурно-исторический интерес и содержащие важные факты различных языковых уровней, в своем словарном составе крайне ограничены, а потому не включены в состав "Старославянского словаря"» (с. 9). Думается, что даже ограниченный лексикон древнеболгарских надписей в силу их близости к живой южнославянской речи того времени имеет существенное значение для характеристики старославянского языка и именно поэтому не должен был бы игнорироваться лексикографами-палеославистами. Аутентичность словаря реальному языковому состоянию описываемой эпохи снижается также вследствие того, что тексты расписывались "по их лучшим изданиям" (с. 3): относительно недавнее обращение исследователей к рукописям Зогра [Moszyński

1961] и Супр [Aitzetmüller 1967; 1969; 1970; 1974] выявило многочисленные отклонения публикаций от оригиналов и дало основания предположить, что аналогичная сверка других изданий, не снабженных фотокопиями рукописей, может привести к сходным результатам [Moszyński 1961, 131].

Принципиальным отличием ССС от других исторических словарей, издаваемых в России, является включение в него всех имен собственных – этого нельзя не приветствовать. Всяческого одобрения заслуживает и постоянное внимание авторов к материалу греческих и латинских оригиналов, а также обращение к другим "косвенным источникам" (с. 10) – данным этимологии, показаниям исторических и диалектных словарей славянских языков, данным картотеки Пражского словаря в ее полном объеме. Этот широкий фон ССС, безусловно, обеспечивает высокую степень надежности предлагаемых в словаре решений. Необычным для российской исторической лексикографии является и описание валентности, чрезвычайно ценное с точки зрения исторического синтаксиса; так, например, при глаголе насладити сѧ приводятся следующие актанты: чесо; чесому; о чемь; на чемь, при настѧвити – кого на чьто; до чесо; въ чьто; въ чемь (попутно заметим, впрочем, что формы род. падежа местоимения чьто, используемые для схематического обозначения актантов, отличаются мало уместным в данном случае разнообразием, ср. чесо на с. 628, 629, 640, 666, 674, 747, но чесого – вариант, крайне редкий в памятниках, – на с. 626, 632, 657, 675, 746).

Важной особенностью ССС является указание количества употреблений каждой лексемы с перечислением памятников, где она встретилась; трудно переоценить значение таких данных для лингвостатистических исследований.

Следующие разделы словаря – "Описание старославянских рукописей" и "Фонетико-фонологическая и правописно-графическая характеристика старославянских рукописей", написанные Р. Вечеркой (с. 13–40), – представляют собой ценное пособие для всех, кто сталкивается в своей научной, да и учебной деятельности со старославянским языковым материалом. Подробные характеристики всех 18 источников ССС включают не только историю рукописей, литературу о каждом тексте, но и компактное изложение основных графических и фонетических особенностей памятников. Частные замечания к этим разделам таковы: не указано время написания Марииинского евангелия (с. 14); не вполне понятно, почему в ловити – ловѧж, в отличие от съпѧти – съпѧж, позобати – позобѧж и др., "чередование может быть не фонетического, а аналогического происхождения" (с. 28); трудно согласиться с обозначением кс и пс как диграфов (с. 29) – все-таки этот термин обычно применяется к двухбуквенным обозначениям одной фонемы (оу).

В небольшом разделе "Нормализация написания заглавного слова основной словарной статьи", также написанном Р. Вечеркой (с. 41–43), оговариваются условные приемы, призванные унифицировать подачу разнородных написаний памятников в пределах словаря посредством восстановления "идеальной" орфографической и фонетической формы, которая соответствует старославянскому канону. Большинство из этих принципов вполне рациональны; возражения вызывает, в частности, избыточная, на наш взгляд, подача параллельных форм с напряженными редуцированными типа вѧж и вѧж, которая к тому же не выдерживается последовательно: так, для прѧвити, пѧти, съвѧти варианты с ѧ не приводятся.

Кажется необоснованным и внесение неорганических редуцированных в такие заглавные слова, как альѧди, альѧкти, альѧьба, альѧьвѧтъ, альѧчьнѧ, анѧдрен, варѧварѧ, епарѧшьскѧ, нанѧзнаньскѧ и т.п. vs. алгоуѧ, арѧнѧелѧтъ, варѧвара, епарѧхѧ, нанѧзнанѧка. На первый взгляд подобное распределение соответствует правилу ССС, согласно которому "по принципу наибольшей употребительности... даются написания с неэтимологическим ѧ между двумя согласными или в группе согласных (есть ли разница? – В.К.), если такие формы имеются в рукописях" (с. 42). Однако в статье

¹ Работа выполнена в рамках темы "Историческая грамматика древнерусского языка", финансируемой Российским гуманитарным научным фондом, и написана в период стажировки в Упсальском университете благодаря стипендии, выделенной Шведским институтом.

аллдин "наибольшей употребительностью" характеризуется форма алдин (10 примеров против двух с алд- и одного с алд-), в статье алгоуи из трех примеров в одном имеется ъ, а в другом паерок, статья алчьба демонстрирует 10 написаний с алч- из 13, в статье епарьшьскъ фигурирует только пример с паерком, в статье дальматьскъ вообще представлено написание далматьскаго без какого-либо указания на гласный между л и м, форма нан'зиан'зин, напротив, содержат целых два паерка, однако ни один из них не отражен в заголовке в виде редуцированного, и т.д. Показательно, что реконструируемый [ъ] отнюдь не ведет себя как "нормальный" редуцированный, т.е. не вокализуется перед слогом с утраченным слабым редуцированным, ср. в SSS формы алчьбами, алчьбодж, алчьбѣ; недаром Ф.Ф. Фортунатов полагал, что "в эпоху появления старославянской письменности... переходная гласная между согласными в алкати и в других подобных, хотя и редких, образованиях не получала... обозначения, да и не была, вероятно, замечаема", и лишь позднее, в период падения редуцированных, ассоциировалась со слабым ъ [Фортунатов 1908: 1437].

Огорчительная несогласованность наблюдается в ССС в связи со словом немръчемъ. В анализируемом разделе оно (быть может, в результате типографской опечатки) дано в форме немръченъ и соотносено с мръчити. Между тем на с. 334 в виде отсылки к немръчемъ, немръчан (последнее слово, впрочем, на своем алфавитном месте приведено как немръча) дается глагол мръцати, который действительно мог изменяться по типу мръчж, -чешн, ср. *помръчеть, помръчють* в русском списке Бесед Григория Великого XI в. [SSS; Aitzelmüller 1977?].

Непонятно также, почему морфологические варианты сьвота и сьвотъ, демонстрирующие колебания в роде, обычные для заимствований, названы "дублетами фонетического происхождения" (с. 42).

"Построение словарной статьи" подробно разъясняется в разделе, написанном Р.М. Цейтлин (с. 44–55). Наиболее дискуссионный, как мы полагаем, принцип, используемый в словаре, – это подача в одной статье (в качестве вариантов) таких лексем, которые отражают древнее чередование (котгорън и котерън, заматорѣти и заматерѣти, одолѣти и оделѣти, трава и трѣва и т.п. [Diels 1932: 33; Vaillant 1948: 49–51]) либо демонстрируют различие, может быть, диалектное развитие общих праформ (авити и авити, оутро и ютро, ладни и алдни). Помимо "экономия места" (с. 44), которая во всяком случае не должна служить стимулом для лексикографических инноваций, трудно найти объяснение для столь неординарного соединения синхронно нетождественных лексических единиц.

Видимо, стремление к экономии определяется и тот факт, что в ССС возвратные глаголы не выделяются в самостоятельные статьи, а статистика их употребительности не вычленяется из числа употреблений невозвратных глаголов. Теоретическую базу этого принципа составляет следующее утверждение: "Глаголы с с... в старославянском языке, как правило, обозначают страдательный залог..." (с. 46); тем самым, во-первых, игнорируется наличие возвратных глаголов с сн и, во-вторых, все многообразие старославянских рефлексивов, столь основательно описанных в свое время Б. Гавранком [Гавранек 1963, особенно с. 39–45], многообразие, никоим образом не сводимое к семантике мотивирующих невозвратных глаголов, фактически ограничивается поздним, во многих случаях инспирированным греческими оригиналами значением пассива, которое применительно к ранним стадиям развития славянских рефлексивов трудно признать грамматически-залоговым, но правильное интерпретировать как частное словообразовательное значение возвратного глагола. Крайне сомнителен и другой пассаж: "Если глагол имеет одно и то же значение в дейст-

вительной и страдательной форме, то с... дается в скобках: плакати (с...)" (с. 46); дело в том, что плакати с... – это не "страдательная форма" глагола плакати, а отдельная лексическая единица. Нельзя не поспорить и с определением возвратных формантов сн и сн как "двух видов возвратного местоимения" (с. 46): таковыми они являются только по происхождению, но в старославянском языке в составе рефлексивов функционируют уже как глагольные морфемы.

Не очень ясен и такой принцип: "...если в основах инфинитива и настоящего времени имеются повторяющиеся гласные (?), ...то личные окончания приводятся полностью" (с. 45); видимо, имеются в виду все-таки личные формы, а не окончания, так как флексии 1 и 2 л. ед. ч. наст. вр. обязательно приводятся при любом глаголе.

Не все декларируемые принципы, как мы уже убедились, строго выполняются в словаре. Так, вопреки тому, что "прилагательные даются в именной форме" (с. 45), слова кромѣщъни и посѣдѣни приведены только в местоименной форме в отличие от аналогичных по образованию вѣнѣщъвь и прѣдѣвь, близъни – опять же только в местоименной форме, а близънънъ, -ъни, для которого материал представляет единственное образование на -ънима, – в обеих. Хотя числительные собирательные должны даваться с пометой *числит. собир.*, например, дѣвои (с. 45), трои определяется как "числ. дистрибут.", овио – как "числ.", четверо приведено в виде отсылки к четверъ числ., седморо – как "нареч." и лишь десѣторо – как "числит. собир.". Особенно поразительны различия в оформлении родозменяемых местоимений, при которых в принципе должны указываться формы женского и среднего рода (мон, мота, мот мест. – с. 45). Приведем заголовки некоторых словарных статей: въстакъ, -а, -о мест.; какъ, мест.; нѣкакъ, нѣкака, нѣкако, мест.; сиць, сица, сице мест.-прил.; такъ, -ъни мест.-прил.; колѣкъ, мест.; нѣколѣкъ, нѣколѣка, нѣколѣко мест.; сѣлѣкъ, -ка, -ко мест.; толѣкъ, -ъни мест.-прил.; клѣкъ, -а, -о мест. Не говоря уже о разнообразии в подаче основных форм, следует подчеркнуть, что не только "мест.-прил.", но и некоторые другие из перечисленных местоимений обнаруживают как прономинантность, так и адъективное склонение, ср. формы Gen. sg. отъ сѣлѣка народа Супр. 150, 21, Dat. sg. всѣцѣ плѣти Ио. 17, 2 Сав, Loc. sg. въ колѣцѣ мразѣ Супр. 78, 7, о сѣлицѣ доврѣ Супр. 386, 22.

Весьма рискованна трактовка формы множ. снж в контексте: не с(ъ)п(ас)етъ снж (в цитате сн – В.К.) ц(ѣ)сарь множ. снж Пс 32, 16 Син – как "архаичной формы тв. ед." (с. 52–53); думается, правомернее здесь было бы говорить об обычном стяжении [Diels 1932: 175; Vaillant 1948: 56].

В целом раздел "Построение словарной статьи" как бы подготавливает читателя к тем вопросам, которые и тогда возникают при чтении словаря – что вполне естественно, учитывая широту и глубину охвата материала. К ним мы сейчас и перейдем, следуя в основном алфавитному, постраничному принципу разбора.

С предельным разнообразием даны в ССС грецизмы, восходящие к именам на -п, которая обычно передается в старославянском посредством -н или -ни [Diels 1932: 177, 182]; заглавные формы при этом достаточно произвольно выводятся преимущественно из форм косвенных падежей: так, в словаре сосуществуют авниинна (по твор. падежу авниѣнж), африинна (по accusativу афринѣнж), витѣфаини (по accusativу витѣфаѣнж), епискоупни (по мест. падежу епискоупни), еремюни (по форме дат. падежа, очевидно, стяженной: еремюни), ересевни (по дативу ересевѣи), етни (которая объявлена *нескл.* потому, что в Супр 129, 6 представлен только номинатив), ирини, -ниъ (с вопросительным знаком), ноуанни, -ниъ (без вопросительного знака), милоти(и) (по accusativу милотнѣнж), савини, -ниъ и савинни, -ниъ (при отсутствии в текстах бесспорных форм первого варианта), патикостни (при наличии в материале

² Отсылки к соответствующим статьям словарей здесь и далее даются без указания страниц.

только косвенных падежей на -н), теопистна (по генитиву теопистна), троани, -ни (по номинативу), фрайна (по аккузативу фрайна), харитонни или харитонна (по дат. падежу харитонни), хартина или хартин (по аккузативу хартижа). По нашему мнению, в случае отсутствия номинативов правильнее здесь было бы указывать в качестве заглавных обе вариантные формы, свойственные исконно славянским именам с основой на *-i: -ни или -н [ср. в SA: -i(ji)], а генетив повсеместно реконструировать в виде -ни (поскольку -а с предшествующим палатальным характерен лишь для имен на -ъни).

акридь: такая подача начальной формы, с отнесением ее к жен. роду *i-склонения, находит весьма слабую поддержку в Nom. pl. акриди, который вполне мог быть образован и от *o-основного акридь: в пользу последней трактовки свидетельствует форма акридь (Мф. 3, 4; Мк. 1, 6) в восточнославянском Остромировом евангелии XI в. [SSS]; думается, что авторы Пражского словаря поступили в данном случае более корректно, представив разбираемое существительное в двух вариантах: акридь, -а m. vel акридь, -н f. (наличие *i-основного варианта как будто подтверждается формой Acc. pl. ѿдън акриди Мк. 1, 6 Acc. к сожалению, не приведенной в CCC; впрочем, по мнению П. Дильса эта форма может быть обязана своим появлением влиянию номинатива акриди Мф. 3, 4 Acc [Diels 1932: 95]).

артемись с формальной точки зрения никак не может быть прилагательным к артема (ожидалось бы *артеминь, *артемель, *артемовъ — ср. агригълово в Усп. сб., 26) — на самом деле это, скорее всего, оставшаяся почти не измененной форма греческого номинатива Ἄρτεμις, т.е. имя существительное в предикативной функции (мощь рекомъи артемись Супр 254, 13) (так и в SSS), а предположение о его несклоняемости ввиду отсутствия косвенно-падежных форм следует признать чистым умозрительным.

Форма галин, упоминаемая в качестве ошибочного написания в статье алъдин и фигурирующая в отсылке и в статье гахати, в действительности просто не существует: соответствующее место из Зогр 240 об, 22 (Ио. 6, 17), искаженное в издании, в рукописи читается как ладниж [Moszyński 1961: 6, 83, 84, 125, 130].

богопримъць и вѣтаннокмънъ приведены не в "идеальной" форме, а с к, отражающей вокализацию сильного [ь], в отличие от правильного лихонимъство (с полным основанием реконструируемого из лихонимъство).

Форма бракъ, данная как вариант к вакръ, едва ли уместна в заголовке, так как представляет не "идеальное состояние", а инновационное обобщение Nom. и Acc. pl. [Крысько 1994: 141].

вѣдръливъ содержит суф. -ълив- [Vaillant 1948: 200], который и фигурирует в цитируемом источнике: вѣдръливое (в SA также *brdr̥liv̥*).

Если вѣшенъ — прилагательное (хотя это адъективированное причастие), почему к нему не дается местоименная форма на -ъни?

В статье ветъхъ имеется отсылка к слову кънига, однако в соответствующей статье находим только plurale tantum кънигы.

Традиционное еще со времен А. Лескина [Leskien 1962: 126] дезориентирующее смешение инфинитивов и парадигм характерно для статей, в которых описываются глаголы с корнем -дѣ- (традиция преодолена только в указателе [Aitzelmüller 1977], ср. также [van Wijk 1931: 248, 251; Aitzelmüller 1978: 211]). Так, приведенная для вѣдѣти парадигма -дѣж, -дѣжи относится к глаголу вѣдѣвати и не может рассматриваться как вариантная к исконной для -дѣти парадигме -деждж, -деждеш,

тем более что канонические памятники не предоставляют ни одного примера с парадигмой -дѣж. Инфинитив вѣдѣти напрасно приписан двум "вариантным" парадигмам — -деждж и -дѣж, поскольку вторая присуща глаголу вѣздѣвати, отсутствующему в словаре (и в канонических текстах) несмотря на то, что в статье ржка имеется ссылка на вѣздѣти/вѣздѣвати. Статья задѣти, задѣж объединяет глаголы задѣти, задеждж и задѣвати, задѣж. Для парадигмы надѣж с.а, напротив, указано сразу два инфинитива — надѣвати с.а и надѣти с.а, но правильное словоизменение (-деждж с.а) для последнего глагола (закрепленного в форме надѣвъ с.а) не отмечено. Форма сѣдѣти приведена в виде отсылки к статье сѣдѣвати, в которой, однако, примеров на сѣдѣти нет. — Ср.: вместе с тем, совершенно корректные статьи издѣвати, -дѣж, одѣти, -деждж, одѣвати, -дѣж, придѣти, -деждж, придѣвати, -дѣж, прѣдѣвати, -дѣж.

Глагол въздвигати (от прилагательного дивни), представленный аористом въздвигъ, не может иметь парадигму -вниж, -внижи, но только -вниж, -внижи (как и указано в SA и SSS; в CCC обе даны через или с вопросительными знаками); подобное спряжение свойственно всем отадъективным глаголам с суф. *-ѣ-, типа разбогатѣти, ослабѣти, обоудати, обнищати.

възметати не следует объединять с възмѣтати, равно как и помѣтати — с помѣтати [Vaillant 1948: 294]. Поскольку для отъметати указаны только две вариантные парадигмы: -метай, и -мѣж (в то время как для метати — три: метж, мѣж, метай), словоизменительная отнесенность субстантивированного причастия отъметжшнхъ с.а Супр 510, 4 (статья отъметъи с.а) остается неясной.

Совершенно напрасно объединены глаголы с разными приставками — въкоренити и оукоренити (ср., напротив, въгоднъ и оугоднъ, обоснованно выделенные в две разные статьи, вопреки ошибочной практике русских исторических словарей).

въннсти и вънънжти — разные глаголы, к тому же подача их в основном тексте словаря через союз и не согласуется с вводной частью, где они даются через или (с. 43). При наличии императива вънън, однозначно принадлежащего к I классу, все формы прошедшего времени без -нж- логично относить именно к въннсти (ср. проиннсти и оуннсти)³, оставляя для вънънжти только недвусмысленные примеры со спряжением по II классу.

В статье въсколѣвати с.а приведены две парадигмы: — -блж с.а и -блж с.а, в то время как реально для этой основы засвидетельствована только первая, которая, кстати, и представлена без всяких вариантов в статье колѣвати.

въшоумѣти, -мѣж, -мѣжи: должно быть -млж, -миши [Vaillant 1948: 248].

Инфинитив глаумлати с.а выведен из имперфектов глаумлѣхо и глаумлѣхъ; в результате аналогичной операции в CCC появились глаголы недоумшлати с.а, похвацати, приговлати, саждати, оустрьмлати с.а; думается, что с таким же успехом можно было бы пополнить старославянский словарь глаголами *мъшлати, *готовлати, *хождати и т.п.

грѣвати: более вероятно, вопреки традиции [Vondrák 1912: 570; van Wijk 1931: 247; с оговорками — Diels 1932: 272; Vaillant 1948: 265], представляется все же инфинитив грѣти, на который указывают аорист сѣгрѣ с.а Пс 38, Син и имперфекты типа грѣахъ Ио. 18, 18 Зогр Acc, с характерным для глаголов на -ѣти имперфективным

³ В предгагасной нередко реконструкции въннсти не учитывается тот факт, что все славянские корневые глаголы I класса, имеющие в основе наст. вр. ь < *i, в инфинитиве отражают -е- ступень аблаута, т.е. i < *e, см. [van Wijk 1931: 239, 240; Дыбо 1981: 205].

суф. -ах- [Vondrák 1912: 505; Vaillant 1948: 231]. Имперфект грѣхъ Ио. 18, 18 Сав (не оговоренный в CCC) не может служить достаточно веским основанием для реконструкции инфинитива грѣхати, так как стоит в ряду отмеченных в том же памятнике вторичных образований спѣхше, съмѣхше, знахше, которые возникли под влиянием форм типа дахше [Diels 1932: 237].

десать — исконно существительное консонантного склонения, поэтому "идеальный" Gen. sg. у него должен был бы иметь флексию -е, а не -и; отсутствие подобной формы в крайнем ограниченном материале (известен лишь один пример род. падежа ед. ч.: десати Супр. 528, 23) не позволяет абстрагироваться от ряда форм, характеризующих десать именно как слово согласного склонения [Vaillant 1948: 153].

доунавъ: не отмечено количество словоупотреблений.

доухати: более вероятен инфинитив дѣхати, относящийся к тому же типу с чередованием (дѣхати — доушъ), что и стрѣгати — стрѣгъжъ [Vaillant 1948: 262].

Об ошибочности формы жице Супр 272, 17; 517, 9 вместо жилище см. [Lunt 1984: 30–31].

В статье жрънты, жрънтѣе объединены два разных существительных: помимо указанного *й-основного femininum, который функционировал в старославянском как plurale tantum жрънтѣи, еще и *о-основный masculinum жръновъ, выступавший в качестве сингулятива к жрънтѣи [Vaillant 1958: 279–280] (ср. русск. жернов, но не *жерновъ). Очевидно, именно от жръновъ образовано прилагательное жръновъчъ (в CCC — жрънтѣвчъ), которое регулярно пишется в текстах через о.

Формы жръти и жръти (как и пожръти, пожръти) не следовало бы давать в одной статье через запятую (т.е. в качестве фонетических вариантов), так как эти глаголы относятся к разным словоизменительным типам: жръти — жърж, жърешн (эта парадигма, куда принадлежат представленные в памятниках формы наст. вр. пожърж, аориста пожръхъ, пожръ, жръшъ, пожръшъ, причастий жъръ, жъремо, пожръренъи, вообще не оговорена в словаре), жръти — жърж; жърешн (сюда же — императив жърѣте, пожърѣте, пожърѣта); двусмысленные образования типа повел. накл. жърн, причастий жъръше, пожрълъ правомерно отнести к более ранней парадигме жръти (материал см. [Leskien 1962: 144; Diels 1932: 248; Vaillant 1948: 270–271]).

В статье зракъ мы находим цитату из Супр 399, 17: кѣи ли неджгъ о зракоу добротж прокоудитъ — с неверным словоделением северьяновского издания о зракоу, предполагающим употребление флексии -оу у существительного, которое едва ли могло иметь такое окончание в локативе — или генитиве, как полагал С.Н. Северьянов, — в столь ранний период [Lunt 1984: 32–33]. К счастью, эта же цитата еще раз приведена — уже с правильным словоразделом озракоу (Dat. sg.) — в статье озракъ.

завсти или зати, забж: первый инфинитив невозможен в старославянском по фонетическим причинам; то же относится к сопсти, реконструируемому в CCC из формы съпашъ (см. сопшъ) Мф. 9, 23 Сав в качестве варианта к правильному соти.

измръмръати: несмотря на то, что в Супр имеется написание измръмръатъ, более корректной представляется подача этого глагола в SSS — с двумя ъ, что подтверждается индоевропейскими соответствиями (лат. *murmurare*, греч. *μυρμυρῶ*) и русско-церковнославянской формой аориста *изморомраша*, отмеченной в Срезн. и Сл XI–XVII [Vaillant 1966: 329] (иначе — SA, 272).

Статья исполнитъ представляет собой результат модернизации исконного сполнитъ (см. [Moszyński 1957: 112]), засвидетельствованного в канонических памятниках тремя примерами (особенно показательно стѣпотвореникъ споловъ Супр 485, 10; в ниже-

следующих контекстах и соответствует греч. *καί*: заклинанъ тѣ... и сполъ *καί* *υἱαῦτας* Евх 526 2–3; и сполнитъ *καί* *υἱας* Пс 32, 16 Син), в то время как сочетание с союзом ѣко и, давшее начало позднему пересмыслению, — только одним (въздрадочетъ сѣ ѣко и сполнитъ тештѣ ажтъ Пс 18, 6 Син). Правда, необходимо признать, что данное существительное давно является предметом споров в исторической славистике (см. [Фасмер, II: 142; ЭССЯ, 8: 240–241]), однако справедливость предположения А. Вайаца о появлении формы с и в результате ошибочной интерпретации древнерусскими переписчиками правильной старославянской формы с этимологическим спол- [Vaillant 1948: 52] убедительно подтверждается, по нашему мнению, именно наиболее ранними фиксациями этого слова — старославянскими написаниями с начальным с, по отношению къ которым не- в восточнославянских рукописях XI в. [Срезн.] предстает как следствие опрошения. Возражение М. Фасмера: "В соответствующем греч. псалме (18, 4), откуда производят и, нет никакого *καί*" — неосновательно, так как старославянский союз ѣко и регулярно используется для перевода греч. *ὅς* [Vaillant 1977: 238].

Генитив испръваго (описка в Супр 402, 2, вместо испръваго) — нормальная местоименная форма без стяжения, едва ли требующая реконструкции, наряду с правильной заглавной формой испръвъ, -ын (прилагательное, созданное для перевода греч. *ἐξ ἄρχης*), сомнительного варианта испръван.

Выделяемая во всех современных старославянских словарях статья ицѣльба, с уникальным дериватом на -ьба от префиксального глагола, базируется, как показал Д.С. Кулер [Cooper 1972: 163–165], на неверном словоделении в издании С.Н. Северьянова; на самом деле соответствующие пассажи Супр должны читаться — и читаются в изданиях Ф. Миклошича [Miklosich 1851: 226] и И. Заимова — М. Капальдо — следующим образом: противж силѣ и оумоу чловѣкомъ и ицѣльба отъ врача приноситъсѣ 308, 6 (*καί ἡ θεραπειᾶ*); дроугаи прикоснж сѣ подразѣ ризѣ кмоу тан и тан ицѣльбж възж 308, 8 (*ψατο... λάθρα, καί λάθρα τὴν θεραπειᾶν ἐκαρπίσσο*).

Параллельно с исходной формой географического названия команѣ, соответствующей греч. *Κομάνια* и выводимой из датива къ команѣ и аккузатива въ команѣ, явствующий из формъ въ команѣхъ и въ команѣ Супр 16, 7, 20; известно, что названия городов в старославянском колеблются между женским и мужским родом [Vaillant 1948: 115], ср. генитив витлеема Лк. 2, 15 Мар Зогр Ас Сав — отъ вношьлемы Ио. 7, 42 Сав [Diels 1932: 181] (к сожалению, вариант вношьлема в CCC не отмечен).

Выделять вариант коразъ рядом с корабль едва ли стоит, так как, в отличие от коравиць, с закономерным [и] < [ѣ], он отражает лишь позднейшую утрату *r* *epentheticum* [Vaillant 1950: 70, 142–143]; не указываются же в заголовках словарных статей варианты земьѣ, приставеньѣ, чръвеньѣ и т.п. [Diels 1932: 132].

корнѣланѣ, -ланъ: должно быть корнѣланѣ, -ланъ, как и написано в Супр 527, 4 и как дано в одном из вводных разделов CCC (с. 43), ср. правильное *κρινῆννι*.

кръмьчни: вопреки написанию -ьчни, представленному в материале, вероятно, вследствие смешения редуцированных (ср. также кѣннѣчн- в Мар, кнѣгъчн- в Ас), соответствующий суффикс, на наш взгляд, правомерно воспроизводить в заглавных формах в виде -ьчни (как, кстати, и сделано в статье самъчни, несмотря на самъчнѣ в рукописи): в пользу такого решения говорят старославянские и церковнославянские примеры, демонстрирующие сохранение заднеязычного в корне и тем самым свиде-

тельствующие об отсутствии [ь] в суффиксе, ср. *кѣнѣтъчнн*, *крѣчагѣчнн*, *прѣлагѣчнн*, *ласкѣчнн*, *мискѣчнн* [Vaillant 1974: 331].

В заголовке статьи *любѣвьнъ* напрасно выделяется поздняя, возникшая вследствие падения редуцированных форма *любовьнъ*; заметим, что *смокъвьнъ* дается только в исконной форме.

мѣднѣтъ см. *немѣднѣтъ* – однако статья *немѣднѣтъ* в словаре отсутствует. По-видимому, эта ссылка перенесена из SSS, где лексема *немѣднѣтъ* иллюстрируется цитатой из Слѣпченского апостола XII в., не входящего в число источников ССС.

мѣдлѣсть: обе фиксации данного существительного в Клоцевом⁴ сборнике содержат в корне, по всей вероятности, этимологический *тъ*, тогда как написания *мѣд-* в восточнославянских рукописях являются следствием межслоговой ассимиляции [Соболевский 1907: 90]. Очевидно, [ъ] восходит к нулевой ступени чередования (*й), а полная ступень (*оу) представлена в глаголе *мѣднѣти* "медлить", который, тем самым, правильнее было бы привести в соответствующей статье в форме с *оу* в качестве основного варианта, засвидетельствованного в памятниках 15 примерами против 2 со вторичным *мѣднѣти* (о случаях появления [Ѣ] в результате ассимиляции гласного предшествующего носовому согласному см. [van Wijk 1931: 142; Селищев 1951: 277–278]). Последовательность *дл* в старославянском *мѣдлѣсть* не может восходить к праслав. *dl, которое дало бы [л], но возникла после утраты *слабогѣ* (ѣ), неоднократно встречающегося в древнерусских текстах, периода до падения редуцированных (*мѣдлѣнна* Лк. 24, 25 Остр., *мѣдлѣвникъ* 2 П 3, 9 Христ [SSS], *мѣдлѣти*, *мѣдлѣвнъ* Юрьевск. св. XII в., 2об [Соболевский 1907: 90]). Итак, "идеальной" словарной формой разбираемого существительного является *мѣдлѣсть* (ср. *mědlobost* в SA и [Shevelov 1964: 362]).

мѣстнѣти: в цитате из Супр 397, 16–18, иллюстрирующей данную лексему, присутствуют сразу две формы, не отмеченные в ССС ни в каких отсылочных статьях: *грознѣвъ* и *мѣстѣтъ*, – хотя далеко не всякому читателю ясно, что необычную форму род. падежа мн. ч. *грознѣвъ* следует искать в статье *грознѣтъ*, а *мѣстѣтъ* – в статье *мѣстѣтъ* (где, однако, написание с *ь* не оговорено).

навѣтъкнѣти: возвратный формант *сѣ* в конструкции *вѣдѣтъ сѣ навѣтъкнѣши* глаголом Супр 419, 16–17 относится не к рефлексиву *навѣтъкнѣти сѣ, а к глаголу *вѣдѣти сѣ*.

Разделение *надоути сѣ*, *-доуѣ сѣ* и *наджти*, *-дѣмѣ* представляется сомнительным: поскольку парадигма наст. вр. *-доуѣ сѣ* нигде в материале не отражена, оба глагола – с точки зрения принципов, принятых в ССС, – более правомерно было бы поместить в одной статье *наджти*, *надоути*, *-дѣмѣ* (ср. варианты с носовым и без в статьях *гнѣсъсѣтъ*, *гноусъсѣтъ* или *нѣднѣти*, *ноуднѣти*). Впрочем, отсутствие в старославянских памятниках примеров с *ж* в основе инфинитива при несомненном наличии *оу*, а также словенский глагол *dūti*, где [u] не восходит к Ѣ, заставляют внимательнее отнестись к мнению А. Вайана, который полагал, что в праформе (реконструируемой им в виде *dennti) носовой *т перед *г утратился, и в качестве старославянской формы инфинитива принимал не *дѣти*, а *доути* [Vaillant 1948: 289; 1950: 96].

Непонятно, почему имя собственное *нада* считается склоняемым, а *нанѣтъ* – несклоняемым, коль скоро оба засвидетельствованы только формами им. падежа, ср.: *нада* *нарнѣцѣмѣж* *нѣмѣж* Супр 24, 21–22 – *въ градѣ нарнѣцѣмѣж* *нанѣтъ* Лк. 7, 11 Зогр Мар Ас (в SSS – *нанѣтъ*, -а).

⁴ Представляется все же нежелательным *ад* нос нарушать правила русской орфографии, сохраняя старое написание Клоцев.

написание: в контексте из Лк. 2, 2 данное существительное выражает значение "перепись", а не "список" (см. синодальный перевод Евангелия).

наоуѣтриѣ, -ни с *мѣ* (?) или -ниѣ ж (?): столь значительные колебания в грамматической характеристике слова находятся в противоречии с однозначным определением, данным в статье *оуѣтриѣ*, -ниѣ ж; поскольку оба существительных употреблены в близких контекстах на протяжении всего двух строк в соответствии с греч. *ὄρθρος* (*заоуѣтра*: *кгда...* *наоуѣтриѣ хѣ вѣскрѣсеннѣ свѣтъ прѣсвѣти мировн* *оуѣтриѣ во хѣ* Супр 348, 16–18 – *Проѣ, метѣ то... τὸν ὄρθρον Χριστὸν τὸ τῆς διαστάσεως φέγγος αὐγάσαι τῷ κόβωφ ὄρθρος γὰρ ὁ Χριστός*), лаконизм второй статьи кажется более оправданным.

Форма *непразна*, дважды зафиксированная в Саввиной книге, по нашему мнению, не является фонетическим вариантом к *непразднѣ*. Заслуживает внимания то обстоятельство, что упрощение групп согласных в результате падения редуцированных, традиционно постулируемое для празн- [Щепкин 1899: 140; Diels 1932: 139; Vaillant 1948: 71], в старославянском языке нигде, помимо этого сочетания, не наблюдается

(сокращение *чѣн-* в заголовках Ас 116d 25, 117a 1, 3, 22, 118b 18 и др. vs. *чѣстѣтънѣ* 150a 27–28 и на фоне однотипных сокращений типа *стра* 121a 19, *пѣ* 158b 1, вопреки П. Дильсу, нельзя признать в данном отношении информативным; о форме *вѣство* < *bęgstvo см. [Фортунатов 1908: 1427–1428; Diels 1932: 123; Vaillant 1950: 84]). Представляется анахроничной и попытка объяснить аналогическим повторением эффекта йотовой палатализации формы *опрѣжнѣтѣтъ* Лк. 13, 7 Зогр Мар и *оуѣпражнѣнна* Супр 54, 16 [Vaillant 1948: 65], обнаруживаемые в тот период, когда древние чередования в группах согласных, напротив, уже подвергались выравниванию, ср. *изѣвѣнѣшнѣмѣ* Евх 52a 25, *сѣслажнѣтъш-* Евх 226 4, 19, *оуѣмѣдрѣѣ* Пс 18, 8 Син, *оуѣмѣдрѣнѣ* Супр 175, 24, *смотрѣвѣш* Пс 9, 35 Син, *сѣмѣтраше* Супр 88, 29 и т.п. [Diels 1932: 138]. Естественнее предположить, вслед за Ф.Ф. Фортунатовым и В. Вондраком, что рассматриваемые прилагательные содержат разные суффиксы: *празднѣтъ* возникло из *porzd-ьпѣтъ, а *празнѣтъ* – из *porzd-нѣтъ (ср. суф. -н- в *rojsk-нѣтъ > *тѣснѣтъ*, **rojsk-н-* > **рѣсн-*ота и др. [Фортунатов 1908: 1428–1429; Vondrák 1912: 186–187], см. также ниже о *фазн-*). Доказательства такого различия мы находим в словарных статьях *празднѣтъ*, *празднѣвати*, *празднѣтъ*, *празднѣство*, каждая из которых включает и примеры с *празн-*; особенно симптоматична форма о *празнѣствѣ* Зогр-лл 2a 5, содержащая последовательность [zn], которая не могла возникнуть из [зды] в результате падения редуцированных, поскольку перед слогом с утратившимся слабым [ь] в суф. -ство сильный [ь] в суф. -ьн- должен был бы вокализоваться (ср. *празднѣствоу* Евх 16 13); столь же показательна и форма *празнѣ*, встречающаяся в древнерусских памятниках уже в XI в. [Сл XI–XVII], 18, 133] и никоим образом не возводимая к *празднѣтъ, которое дало бы *празднѣ. Примечательно, что глаголы *испразнѣти* и *оуѣпразнѣти*, однокоренные указанным выше словам, приведены в ССС только с -празн-.

Архаичный вариант местоимения *ничѣтоже* – форму без -то *ничѣже* (от которой образован глагол *оуничѣжнѣти*) – стоило бы, как мы полагаем, выделить в особую, хотя бы ссылочную, статью.

ногѣтъ (опечатка вместо *ногѣтъ*): для Gen. sg. (отсутствующего в материале) в ССС реконструируется окончание -н вместо исконного консонантного -е (о консонантном склонении свидетельствуют Gen. pl. *ногѣтъ*, Instr. pl. *ногѣтъты*); если все же приводить для данного существительного не "идеальное" (т.е. исконное) склонение,

а новое – по основе на *i, в муж. роде нормализованная форма Nom. pl. должна выглядеть не как ногъти (в ССС – ногъти *орудие пытки*), а как ногътник.

Читателю старославянских памятников, на которого рассчитан словарь, трудно будет догадаться, что форму нѣдра, не оговоренную на своем алфавитном месте (в отличие от SA), следует искать в статье ѣдра.

обловѣзати: должно быть обловѣзати сѧ, поскольку в Пс 84, 11 Син представлен не пассив, а взаимно-возвратный глагол (правѣда и мѣрѣ обловѣзасте сѧ).

В ССС напрасно объединяются слова с приставками о- (из *ob-), обѣ- и обь-, равно как и о- (из *ot-), от- и отъ- (Фортунатов 1908: 1440–1441; Diels 1932: 87–89), ср.: обѣдрѣжати сѧ. одрѣжати, обѣоубожати сѧ. оубожати, обѣстоати сѧ. остоати, отъкрѣтити сѧ. окрѣтити, отънѣ- сѧ. отнѣти, отъшѣльць сѧ. ошѣльць; отъстѣпати и отъстѣпати приводятся под остѣпати и остѣпати, отъход- под оход- и т.п. Между тем, например, в статье остоати нет ни одного примера с подобной формой, но только цитаты с обѣ- и обь-; отъити без всяких оговорок включен в статью отити, так что читателю остается недоумевать, почему глагол отити имеет столь различные причастные формы, как ошѣдын и отъшѣдшоу. Можно было бы предположить, что главным фактором, обуславливающим такую подачу материала, являлась частотность тех или иных префиксальных форм, из которых и выбирался "основной вариант"; однако в ряде статей соответствующая статистика вообще не дается, и приходится принимать на веру, что, к примеру, образований с отити или отъвѣтити больше, чем с отъити и отвѣтити, в некоторых случаях – констатировать в качестве основной выбрана все же не самая частотная форма (так, в статье окрѣвение, отъкрѣвение вариант с отъ- отмечается в 6 примерах из 9; 21 пример с отъходити противостоит 16 образованиям с о-), а в случаях вроде несуществующего остоати – смиряться с подменной реальной ситуацией старославянских памятников реконструкцией праславянских отношений, см. [Kurz 1972: 115–122].

Невозвратный глагол обрадовати выносится в заголовок только на основе причастия обрадованаа, калькирующего греч. κεχαριστήριον, что едва ли верно, ср. статью осклавити сѧ, в которой содержится фразеологизм осклавити очи, отнюдь не спровоцировавший автора статьи на выделение перифлексида *осклавити (заметим, что в SA форма *obradovana* дается под *obradovati se*).

овоце: приведенная в словаре форма *lasiq. sg. овоштемъ* в контексте цвѣтъць прѣдѣварактъ прѣдѣ овоштемъ Супр 284, 22–23 вряд ли относится к neutrum овоце, но, скорее, должна быть определена как овоць муж. рода в значении "плод" (ср.: обрѣте тоу дрѣва различна... и овоца различны Усп. сб., 289а); овоце в собирательном значении "фрукты" фигурирует в другом контексте: сынъ колѣбаше сѧ акы овоште зывѣемо отъ многа вѣтра Супр 570, 9–19. Вполне корректно этот материал представлен в SSS: овоце, -а n. seu овоць, -а m. плод, фрукты.

озмьренъ, как явствует и из греческой параллели ἐσμιρτισμένος, – не прилагательное (которое должно было бы иметь суф. -ьн-), а адъективированное причастие с причастным суф. -ен- (по системе сокращений, принятой в словаре, – прич.-прил.).

оклоснити (как оклосниша ѣмоу вельбѣдъ Супр 218, 10) – это не "охрометь" (подобное значение выражалось бы глаголом оклоснѣти), а "сделать хромым" (так и в SSS); помимо словообразовательной модели, характерной для каузативов, данное толкование подтверждается и тем, что форма мн. ч. глагола не может быть сказуемым при ед.ч. существительного, но только главным членом односоставного предложения с дополнением в вин. падеже.

Парадигма, указанная для оковати, – окоужь, окоужши – не согласуется со спряжением ковати (ковж, ковещи) и поковати (поковж, поковещи или покоужь, покоужши) – при том, что во всех трех случаях имеются только образования от основы инфинитива (в SA – *okovaii, -kovq*).

Для опрѣтити сѧ, опърж сѧ, опърешн сѧ "опереться" не следовало бы приводить в заголовке (через или) вариант опърѣтити сѧ, опърж сѧ, опърешн сѧ, который базируется лишь на вторичной, аналогической форме аориста опърѣша сѧ, унифицированной с основой наст. вр. и явно не имеющей ничего общего с парадигмой глагола пърѣтити сѧ "спорить".

оседѣлати: вопреки Супр 51, 3 и 221, 17, где, вероятно, отражено смешение редуцированных, более правильной представляется форма оседѣлати, на которую указывают неоднократно древнерусские примеры, демонстрирующие в данном корне [ь] (*besedьla* в Поучениях Кирилла Иерусалимского XII в., 117 об [Соболевский 1907: 66], *седьла* в Троицком сборнике XII–XIII вв., 3 [Срезн.] и последующую вокализацию [ь] в [е] [Срезн., s.v. *седьло, седьльникъ, седьльничии, седьльнии*] (ср. также [Vondrák 1924: 195, 726]); в свете этих примеров редуцированный после д трудно квалифицировать как исконный [ъ] [Moszyński 1957: 117] и тем более признать "просто графическим" [Vaillant 1950: 90].

Спряжение основати, осноужь противоречит принятому в палеославистике основати, основж (ср. SA).

Позднейший вариант остроугати, который может быть выведен на основе возникшей вследствие устранения исторического чередования ѣ/оу аористной формы остроуга Супр 392, 15, уместно было бы, думается, привести в виде отсылки к остроугати (см. SA).

В конце статьи отъвѣрвати дана ссылка на глагол отърѣкати сѧ, которого, однако, нет в словаре. В SSS, из которого, судя по всему, эта ссылочная статья попала в ССС, указанный рефлексив иллюстрируется только цитатами из Бесед Григория Великого XIII в.

Наречия отънѣждоу, отънѣждоуже, отънѣждь на фоне образованных по тому же типу отъвьсждоу, отъкждоу, отътждоу затруднительно расценить иначе, как производные от местоименного корня *и (*jь), а следовательно – предпочтительнее давать с мягким и (отмеченным в текстах), – или по крайней мере оговаривать в заголовке оба варианта, как это и сделано – почему-то в порядке исключения – в статье отънѣждѣже, отънѣждѣже (в SSS варианты с ж и ѣ дают параллельно во всех относящихся сюда случаях). Впрочем, формы типа отънѣждь, возводимые к другому корню – *in-, но вторичным образом контаминировавшиеся с отънѣждь, также заслуживают того, чтобы быть отраженными в словаре (ср. SA, 246, 247).

отърѣвати: предполагать в форме отърѣвена Супр 133, 12 описку (вместо отърѣвана), как это нередко делают, все же, на наш взгляд, необязательно, поскольку здесь, скорее всего, имеет место причастное образование от основы -ри- [Vaillant 1948: 275], представленной в перфективе ринѣти, имперфективе ривати и реконструированном из ср.-русск. *риятися* и русск. *рьяный* более древнем имперфективе ривати (см. ниже). Соотношение между первичным бессуффиксным глаголом *riti (< *reitej) и part. praet. pass. -рѣвенъ напоминает отношения в парах шити – шьвенъ, крыти – отъкрѣвенъ, мыти – оумьвенъ (где -ьн- связано чередованием с исконным корневым *i); по-видимому, причастия на -рѣвенъ и послужили образцом для незакономерной формы отърѣвенъ с фонетически не объяснимым -в-. В свете корреляций анти – лнати (наст. вр. лѣж), зинѣти – зпати (зѣж), ринѣти – ? (рѣж)

"идеальные" инфинитивы к формам наст. вр. рѣл, отърѣвъ, отърѣши, порѣк, зафиксированным в канонических памятниках, представляется возможным восстановить в виде рѣати, отърѣати, порѣати [в ССС даются соответственно рѣати, отърѣати и порѣати (?), порѣати (?)], а основу инфинитива рѣа-. засвидетельствованную в старославянском в форме имперфекта рѣаше Супр 90, 13, трактовать в качестве вторичного образования en pendant к презентной основе рѣк- (ср. аналогическое зѣа- в отглагольном существительном ц.-слав. зѣаник vs. исконного знаник [Vaillant 1948: 266–267]).

Ошибочное написание Супр 281, 23 отъштштати сопровождается в ССС предположением: (вм. отъштштати?), ср. замечание С.Н. Северьянова в издании Супр: "...шти... у писца ошибочно вм. ...ште..."; однако имперфектив к отъштштати должен был бы звучать как отъштштати (с продолжением *e > ѣ и последующим переходом ѣ > а).

Толкование глагола плуѣти как "плыть, плавать на чем-л." не учитывает контекста, в котором данный глагол – вслед за греческим оригиналом – реализует персодное значение "переплывать": плуѣ нсоуѣ море Супр 428, 21.

познати: в примере из Супр 489, 9 словарь сохраняет неверный словораздел издания С.Н. Северьянова: вместо не оубо бѣ мѣжа познала должно быть не оу по "ибо еще не" (οὐδέπω γάρ) – как и было в первом издании Ф. Миклошича [Miklosich 1851: 374].

пользевати: "идеальные" формы наст. вр. должны были бы отражать мягкость согласного – польсюѣ, польсюѣши.

помрачати: форма адъективированного причастия несов. вида (вопреки А. Вайану [Vaillant 1948: 327]) непомрачѣцими сѣ Евх 326 10 "немеркнушим" (наряду с неп(ом)рачѣцими сѣ 32а 23), с тематическим (о) после *j, предполагает инфинитив помрачати сѣ, наст. вр. помрачѣ сѣ, помрачѣши сѣ (имперфектив к помрачати сѣ по типу скакати – скочити)⁵; представленное в словаре соотношение этой формы с перфективом помрачѣти сѣ, причастие от которого звучало бы помрачѣ сѣ, род. падеж -ѣща сѣ (по типу молѣ – молѣща), не только вынуждает прибегать к таким уязвимым объяснениям, как декларирование в обоих случаях фонетической или графической замены – ѣ (обычного в Евх после шипящих, см. [Vondrák 1912: 379–380]) вместо ѣ – или действия морфологической аналогии [van Wijk 1931: 146] (о ср.-болг. формах типа приходѣти см. [Vondrák 1912: 145–146]), но и затемняет видовую корреляцию: помрачѣти сѣ "меркнуть" – помрачѣти сѣ "померкнуть" (ср. вѣскакати "вскакивать" – вѣскочити "вскочить"). Впрочем, при отсутствии иных форм глагола помрачѣти сѣ, помимо "прилагательного возможности" [Гавранек 1963: 69], в ССС его пришлось бы приводить разве что в виде отсылки к непомрачѣ сѣ (см. следующее замечание).

помръцати: статья нарушает принцип словаря – не реконструировать инфинитив, если глагол засвидетельствован "формами причастий (в том числе и с отрицанием), употребляемых в функции прилагательного или существительного (<,) при отсутствии других форм данного глагола" (с. 43). Поскольку для помръцати имеются лишь цитаты с адъективированным причастием непомръцаѣ – уже выделенным в самостоятельную статью, – следовало бы, вероятно, не раздваивать лексему, а сохранить инфинитив только в качестве отсылки.

⁵ Вариант помрачѣти, -ветъ [Aitzemüller 1977] маловероятен, так как глаголы на *-ѣти, кроме аномальных хотѣти и добыѣти [Vaillant 1948: 249], имеют презент на -ѣ-.

В статье послѣдѣнии неправильно подан фразеологизм послѣдѣняя земля: в цитате представлен не датив земли, а генитив земля.

потрѣгнѣти: вместо формы ннѣ, исправленной в рукописи из ннѣ (но в словаре, к сожалению, напечатанной как ннѣ), в контексте ннѣ же потрѣгнѣвъше (в ССС опять опечатка – и вместо н. – В.К.) безоумна съмъслѣ съвѣтъ на ѣ творѣахъ Супр 331, 21–22, словарь предлагает конъектуру: читать ннѣ – т.е. так, как было до исправления и как читается в Усп. сб., 239б. Однако эта поправка, ориентированная на греческий оригинал (ἕτερον... λογισμῶν), не учитывает логику славянского редактора, который явно предпочел согласованию местоимения (ннѣ) и существительного (съмъслѣ), далеко разнесенных в пределах синтагмы, координацию ннѣ с глагольными формами мн.ч.

походити: форма похощаахъ Ио. 19, 3, как будто отличающая Зогр от Ас и Сав, где читается прихощаахъ, вошла в научный оборот вследствие ошибки в издании, тогда как в рукописи Зогр, заново исследованной Л. Мошиньским, присутствует именно прихощаахъ [Moszyński 1961: 96, 131].

Едва ли правомерно объединение форм с этимологически различными приставками пра- и прѣ- типа прадѣтъ – прѣѣтъ, прѣотъць – прѣотъць и др. (см. [Vaillant 1948: 51]); в частности, обращает на себя внимание статья с якобы вариантными заглавными формами прародительнѣ, прѣродительнѣ, состоящая, однако, из единственной цитаты с прѣ-.

Написание привесла Супр 429, 13 следовало бы отразить в ССС лишь в качестве отсылки к весло в значении "руль", не реконструируя удивительный глагол привеслати "привезти на корабле", так как в сравнении с греч. καλῶ τῆς ἀνθρώπινης χερσὶν ἐπιβάλλει соответствующий фрагмент Супр может быть удовлетворительно разделен на слова только с допущением описки – пропуска основной части глагольной словоформы: добра оуселенѣа при(ѣ?) весла [Соопег 1972: 166–167].

примати: не совсем понятно, почему сочетания волѣзнь примати, мѣжж примати и т.п. служат "для выражения страдательного залога"; видимо, авторы смешивают страдательный залог как грамматическую категорию с различными синтаксическими конструкциями, в которых формальный субъект соответствует семантическому (логическому) объекту.

пропати: не обязательно предполагать описку (вм. пропа сѣ) в контексте ста дрѣво кръстѣное на ѣемъже пропаша истинънѣи виноградъ Супр 353, 16: под пером славянского книжника греческая пассивная конструкция вполне могла быть переосмыслена как односоставное предложение с формой 3 л. мн. ч. аориста, даже невзирая на то, что далее идет причастие в форме им. падежа ед. ч., относящееся к виноградъ, – глаголан.

Глаголы прострѣти и оумрѣти, относившиеся к одному словоизменительному типу, даны в ССС по-разному: рядом с первым глаголом через запятую (т.е. – согласно правилам, сформулированным в разделе "Построение словарной статьи", с. 44, – в качестве фонетического варианта) приводится форма прострѣти (видимо, вследствие типографской опечатки – прострѣти), имеющая морфологическое происхождение и обязанная своим возникновением влиянию презентной парадигмы; в то же время оумрѣти вполне корректно дается без вариантов, и лишь в порядке комментария, в квадратных скобках отмечено, что инфинитив встречается и с основой оумрѣ-. Следует упомянуть также, что форма прострѣти Пс 59, 10 Син указывает на наличие не оговоренного в словаре глагола прострѣти, спрягавшегося по III классу, по образцу жрѣти, жрьѣ, и отраженного в церковнославянских текстах русской редакции, ср.: на

земли *прострѣнь* Мин. ноябрь, 446. 1097 г. (Сл XI–XVII, 20: 24); не дерзнувшя ногу *простерти* ЗЦ к. XIV, 74а (СДРЯ, III: 382).

прѣдъ и *прѣдѣ* – предлоги, этимологически различающиеся конечными гласными вследствие происхождения от существительных разных склонений: первый является окаменевшей формой вин. падежа **o*-основного имени, второй – **i*-основного (вин. и мест. падежи существительного **perdъ* сохраняются в наречиях *впрѣдъ* и *прѣдн*, *впереди* vs. *перед*, *вперед* от **perdъ*, ср. параллельное употребление исконного существительного *передъ* и наречия *преди* в следующем контексте: Роман же передъ свои посла ко Прѣсньскоу. да заѣдоуть Преснескъ преди ЛИ. 662; аналогичное сосуществование форм на *-ъ* и *-ь* наблюдается в случаях *близъ*, *задъ* – но *вблизу*. *задн*, *съзадн*, *назадъ* [Vaillant 1977: 132], откуда выводятся **blizъ* и **zadъ*. Тем самым *прѣдъ* едва ли следует рассматривать как фонетико-орфографический вариант *прѣдѣ*, подобный приводимым в одном ряду с ним формам *прѣдѣ*, *прѣдѣ*, *прѣдо* и *прѣдѣ*; то же, как мы полагаем, относится и к приставкам *прѣдѣ*- и *прѣдѣ*-. Знаменательно, что *надъ* и *подъ*, не имеющие морфологических вариантов на *-ь*, почти не обнаруживаются в старославянских памятниках написаний с *ь* (см. [Vondrák 1912: 252, 254, 255]).

прѣдѣ: в числе устойчивых сочетаний с этим словом указано *прѣдѣ* *въпнати* с отсылкой к статье *въпнати*, которой в словаре нет, и вполне закономерно, так как формы типа *въпнѣ* принадлежат к парадигме глагола *въпнати*.

В статье *прѣдѣхати* дается отсылка к *възѣхати*, хотя согласно разделу о нормализации написания заглавного слова (с. 41) буква *ѣ* употребляется в ССС только в начале слога; показательно, что статья *възѣхати* приведена на с. 142 с отсылкой к *възѣхати*.

прасти: в Лк. 12, 27 Зогра нет описки *прахѣтъ*, дважды оговоренной в словарной статье, – это лишь опечатка ягичевского издания, вместо реального и правильного *праджѣ* [Moszyński 1961: 71].

Странно видеть отсылочную статью *псъ* см. *псъ*: все-таки, по-видимому, в Nom. sg. это слово вряд ли когда-нибудь писалось без гласного в корне.

Форма *разлѣченъ* Супр 86, 24 "коварный, лукавый" правильно определена как прилагательное, однако, как таковое, оно должно иметь в заголовке не причастный суф. *-енъ*, а нормализованную форму без вокализации сильного редуцированного – *разлѣчнѣ*.

Основа *разнъ*, регулярно отражающаяся в старославянских памятниках без редуцированного, снабжена в словарных статьях неорганическим *ь* (*разнъ*). Против такой конъектуры свидетельства отсутствуют написания *разнѣствитѣ*, *разнѣства*, *разнѣствова*, демонстрирующие отсутствие гласного перед слогом со слабым [ь] (в случае с **разнъ* ожидалось бы **разнѣствъ*). Об исконности сочетания [зн] говорят и древнерусские примеры с чередованием [зн] / [сн], характерным для изначально безъеревых форм типа *рязна* / *рясна*, *трѣзна* / *трѣсна*, *главизна* / *глависна* и др. (по *роснамъ* *зѣмлямъ* Усп. сб., 8г; *въставивше* на сани на *росны* 25в; по *расна* лѣта Устюжская кормчая XIII в., 426 22 [SSS, s.v. *разнѣ*]). Примечательно, что в статье *пonti* представлена конструкция *пonti* *разно* – с правильным написанием наречия, между тем как *разно* *стоати* s.v. *стоати* ориентировано на неверное написание.

ржковѣтъ: *ѣ* после согласного противоречит принципам словаря (ср. *ржковѣтъ*, *ржковѣтъ* в SSS); в той же статье указано значение I "охапка, сноп", но нет значения 2.

Прилагательное *самаринскѣ*, зафиксированное один раз в Ассеманиевом евангелии, образовано от существительного *самарина* и содержит обычный для данного памятника результат вокализации [л] > [е], а следовательно, в нормализованном виде должно иметь форму *самаринскѣ*.

скорѣпни, *-на* и *или* *-нѣ* *ж* (*или* *м?*): это существительное представлено в материале не только двусмысленными примерами Acc. pl. с окончанием *-а*, которые могут относиться как к **с-*, так и к **а*-склонению, но и однозначно **а*-основными Acc. sg. *скорѣпнѣ*, Dat. pl. *скорѣпнамъ*, равно как и однозначно **о*-основным Acc. sg. *скорѣпни*, что позволяет заменить союз *или* при определении склонения (род. падежа) союзом *и* (ср. правило подачи подобных форм на с. 45).

Германское заимствование *скильзъ* (из *skilling-*), зафиксированное в Саввиной книге с *ь* после заднеязычного, а в Маринском евангелии – без редуцированного, возможно, правильнее было бы привести в форме с реально засвидетельствованным *ь*, закономерно соответствующим германскому *i*, а не с конъектурным *ъ*, как дано в словаре в согласии с давней традицией, предполагающей переход неизвестно откуда взявшегося *ъ* в "общеславянском *скълаѣѣ*" в [ь] [Щепкин 1899: 198, 307]. Отсутствие эффекта I палатализации в этом слове вполне может быть сопоставлено с аналогичным явлением в непосредственно соседствующем с ним *кинѣснѣ* / *кинѣсовѣ* (*склаѣѣ* *кинѣснѣ* Мф. 22, 19 Мар, *склаѣѣ* *кинѣсовѣ* Сав) и в формах типа *скинини* и объяснено тем, что первая палатализация *ь* южнославянском ареале перестала действовать еще до заимствования (впрочем, очевидно, разновременного) данных лексем – в то время как на востоке славянской территории *skilling-*, вероятно, был заимствован раньше, еще в эпоху первой палатализации, но не испытал действия третьей, ср. др.-русск. *цѣлягъ* на фоне аналогичных *варягъ*, *кѣблягъ*, *стѣга*, *польга*, *нельга* [Ляпунов 1912: 529–530].

Наречие *съзѣди* дано с отсылкой к статье *задн*, где я приведены соответствующие примеры, что наводит на мысль о возможности образования предложных сочетаний с наречиями, тогда как в действительности оба наречия образованы от разных падежных форм существительного **zadъ*. – Заметим, что наречие *съпроста* дается отдельно, без отсылки к *гростѣ*.

Заголовок *сътрѣти* *или* *сътрѣти*, *сътрѣж*, *сътрѣши* некорректен, так как эти глаголы не характеризуются общей парадигмой: *сътрѣти* – глагол III класса со спряжением типа *сътрѣж*, *сътрѣши*. К парадигме данного глагола относятся, например, отмеченные в памятниках формы императива *сътрѣмъ*, part. praet. pass. *сътрѣени*, сигматического аориста *сътрѣ* и *сътрѣша*, которым в парадигме глагола I класса *сътрѣти* соответствовали бы *сътрѣмъ*, *сътрѣти*, *сътрѣ* и *сътрѣша*. Правда, некоторые формы вследствие факультативности обозначения исконной мягкости согласного и смешения редуцированных оказываются амбивалентными (*сътрѣрѣтъ*, *сътрѣрѣши*), а некоторые отражают морфологическую инновацию (аорист *сътрѣ* – под влиянием наст. вр. *сътрѣж*); в этой ситуации все несомненные примеры с *сътрѣти* рзонно было бы выделить в особую статью, оставив двусмысленные формы в статье *сътрѣти*, отражающей более раннюю парадигму (ср. леммы *сътрѣти* и *сътрѣти* в [Aitzelmüller 1977]).

В глаголе *сътъкати* "возвестить, сообщить" присутствует тот же корень, что и в *притѣча*, соотносящемся, в свою очередь, с *тъкати* (*тъкѣж*) [Фасмер]; следовательно, колебания в выборе формы I л. ед. ч. наст. вр. (*сътъкѣж* *или* *сътъкѣж*), скорее всего, излишни.

С точки зрения нормализации написаний странно выглядит заглавное слово

связь с тождественной, ориентированное на форму Ключева сборника, которая отражает результат изменения [ъ, ѣ] (ср. *szizvestovati* в SA).

Для местоимения себе в ССС избрана весьма нетрадиционная начальная форма, по взв. падежу – *са*. Следует заметить, что формулировка: "...образующее страд. или взвр. форму глагола" – неточна, так как рефлексивы – это не формы невозвратных глаголов, а самостоятельные лексемы, да и выделение возвратного пассива как залоговой формы, а не одного из частных значений рефлексивов, думается, слишком явно продиктовано залоговыми противопоставлениями в современных славянских языках и не учитывает далеко еще не полной сформированности категории залога в старославянском.

сжпротнвнъ: в цитате из Супр 543, 6 сохранен неверный словораздел издания: *стража крѣпы на вса сжпротнвнъ и мѣтѣмъ*, – при том, что под буквой М нет никакого *мѣтѣ*. На самом деле, как доказал Д.С. Купер, последняя часть этого отрезка должна читаться *имѣ тѣмъ* "имея их" [Сооер 1972: 165].

Статья *трѣти* содержит только примеры с глаголом *трѣти* (см. выше о *сѣтрѣти* – *сѣтрѣти*; ср. [Aitzelmüller 1977]: *трѣти*).

тъзньнъ: ъ после з не нужен, о чем свидетельствует и форма Ен 306 5 *тъзньнъмоу*, не отражающая гласного перед слогом со слабым редуцированным (ср. *тъзньнъ* в SSS).

оу: интерпретация сочетания *оу рама* в контексте: *га(ас)ъ оу рама слышанъ вѣстъ* Мт 2, 18 Сав – как мест. падежа (*рама*?) с предлогом *оу*, выступающим в качестве фонетического варианта *въ*, не кажется убедительной. Вместо того чтобы *ад* hoc постулировать необычное для языка Саввиной книги фонетическое изменение, логичнее было бы усматривать здесь нормальный предлог *оу* [Щепкин 1899: 296] в соединении либо с несклоняемым существительным, сохраняющим -а-форму оригинала, либо с генитивом от *рамъ* (ср. в Ас правильный, хотя и неопределенный с точки зрения склонения локатив *въ рамѣ*); уже упоминавшиеся колебания в родовом оформлении иноязычных названий городов вполне допускают второе решение. Что же касается изменения семантики пространственного детерминанта, которое произошло благодаря замене одного предложного сочетания другим, то оно, по нашему мнению, не было принципиальным.

Поздний вариант *оугодати* (Евх), отражающий отнюдь не тривиальное для старославянского обобщение основ *оугодити* – *оугаждати*, стоило бы, пожалуй, выделить в качестве ссылочной статьи.

оудръжати: вследствие стремления авторов вывести все значения возвратных глаголов из семантики неререфлексивов глагол *оудръжати са* в значениях "волноваться, томиться, быть в тревоге" почему-то приписан к первому значению *оудръжати* – "удержать / удерживать, сохранить / сохранять".

оузълобити: форма *вѣйгълна*, приведенная в этой статье в цитате из Пс 43, 3 Син, снабжена восклицательным знаком в круглых скобках, что, согласно разделу "Построение словарной статьи" (с. 52), относит ее к числу ошибочных написаний, как-то, согласно тому же разделу, "даются ссылочными статьями с указанием основной словарной статьи". Однако читатель Синайской псалтыри, который обратится за справкой к ССС, в данном случае, к сожалению, обречен оставаться в неведении: на алфавитном месте ссылочной статьи *вѣйгълна* нет. Впрочем, реально нет и такой формы: эта описка была исправлена еще в рукописи, где, согласно издательскому примечанию С.Н. Северьянова, *ѣ* и *л* стерты, т.е. остался нормальный аорист *вѣгълна* (ἐξέβαλες).

В статье *хрнзмъ* не приведена греческая параллель.

вѣшюа – но шюѣ, шюѣца, шюѣтъ.

Помимо спорных и порой ошибочных трактовок, в принципе не столь уж многочисленных на фоне огромного количества основательно и квалифицированно написанных статей, словарь, к сожалению, не свободен и от опечаток, которые столь нежелательны в изданиях подобного типа и которых, наверное, можно было избежать, учитывая длительный путь книги от издательства к читателю. Отметим опечатки в заголовках: *авиатаръ*, а – вместо -ра; *вѣзати* вместо *вѣзати*; *вѣскорѣ* см. *скорѣ* – очевидно, вместо см. *скорѣ*; *вѣшьнъ* см. *вѣшьнъ* – вместо см. *вѣшьнъ*; *гнѣвънъ* см. *гнѣвънъ* – вместо см. *гнѣвънъ*; *девать*, -ын – вместо *девать*; *днѣпоуѣ* – вместо *днѣпоуѣ*; *дѣвопомоститѣ* – вместо -итѣ; *именитѣ* – вместо -итѣ; *нордѣ ганьскѣ* – вместо *нордѣ ганьскѣ*; *лице*, род. п. *лице* – вместо *лица*; *лѣггыи* – вместо *лѣггыи*; *навеверѣнѣ* – вместо *навеверѣнѣ*; *сланъ*, -ы – вместо -ын; *сврѣскѣ* *прил.* к *сврѣ* вместо *сврѣ*; *тврѣдѣстѣ*, *сѣ тврѣдѣстнѣ* – вместо *тврѣдѣстѣ*, *сѣ тврѣдѣстнѣ*. Управление *вор. падежом* при глаголе власти обозначено формой *чѣмъ* (Лос.) вместо правильного *чимъ*. Слово *кодратѣ* (рпмская монета) толкуется по-русски мужским именем (правда, со строчной буквы) "кондрат", между тем как синодальный перевод Евангелия демонстрирует в этом случае (Мк. 12, 42) форму *кодратѣ*. В статье *сѣблюсти* возвратный глагол *сѣблюсти са* переводится русским "сохранить" вместо "сохраниться". Перечислять все примеры смешения⁶ и пропуска букв⁷, отсутствия придыханий в греческих словах и других, с трудом классифицируемых опечаток⁸ означало бы, по-видимому, уделять слишком большое внимание мелочам – но есть ли мелочи в словарном деле?

Итак, читатели получили в свое распоряжение ценнейший лексикографический труд, который несомненно во многом послужит образцом для последующих работ в этой области. Отдельные недостатки ССС, на которые мы сочли нужным обратить внимание в настоящих заметках, в значительной степени объясняются традиционным, к сожалению, для исторической лексикографии отрывом словарной практики от достижений историко-грамматической науки, а также отсутствием общей редактуры, как научной, так и технической, которая позволила бы избежать ненужного разнообразия в подаче однотипных явлений. Хотелось бы надеяться, что наши конструктивные замечания, отнюдь не преследовавшие своей целью умалить бесспорное значение "Старославянского словаря" для славистики, окажутся небесполезными для специалистов, работающих сейчас над другими историческими словарями.

⁶ В частности, *и н и*, *е и в*, *и н г* (*гасѣ* вместо *гасѣ* в ст. *гани*), *ш и ѣ*, *ѣ и ѣ* (*сѣбрааѣ* см. в ст. *сѣврати*), *л и ж* (*сѣтааѣж* см. в ст. *са*), *ци и ѣ* / *ѣ* (*мѣѣи* в ст. *оуѣлажити*, *пѣѣи* в ст. *храмина*), греч. *Х* и *Н* ("Хра в ст. *ереи*"), *ѣ* и *с* (*катпрѣвоѣ* в ст. *проклати*), *х* и *ѣ* (*алиѣсеѣа* в ст. *назнаменовати*), *х* и *к* (*харѣсеѣа* в ст. *дарити*).

⁷ Например, *Маарисий* вместо *Маарисий* в ст. *маарисий*.

⁸ Например, **bezъrdъnъ* вместо **.srdъ*, **ugylhuqti* вместо **.glbbъ* на стр. 27, **madrъqъ*, **madrъqъ* вместо **madrъ*, **iščezniti* ≥ **jzkezъ* вместо < на с. 28, *етиръ* на с. 41, "гомилитический" вместо "гомилетический" на с. 48, *кратрънъ* вместо -нъ на с. 49, *каргълннѣста* вместо *кагръ* – в ст. *голжннѣ*, *въ кротѣсти* вместо *кротѣсти* в ст. *тихѣстѣ*, не оговорена описка Супр 428, 10 *оуштрашнѣ* вместо *оуштрашнѣ* в ст. *тольма*, "проишедшии" вместо "прошедшии" в ст. *трнѣнѣвнѣ*, *оужаснѣша* вместо *оужаснѣша* в ст. *оужаснѣти са*, *оуѣвѣгнѣвъ* вместо *оу* не *вѣтнѣ* в ст. *Клоц За 3* в ст. *оукорити* (ср. ст. *оу*): *бидактъ* *ѣ* в ст. *пооучалнѣ*, *прѣдѣстѣ* в ст. *оуѣставъ*, *stanoŝlowiańska* на с. 842, в ст. *младъ* вместо номера 3, вводящего третье значение слова, ошибочно напечатан фразеологизм ♦ из *младъ* *погнѣти*, который затем повторяется уже на своем "законном" месте. *Наизнанна* – по-русски город Назизан, а не Назизан. К ст. *сѣворннѣ*: русско-церковнославянское название одной из книг Ветхого завета – не *Екклесиаст*, а *Екклесиаст*. К ст. *оуамернѣ*: корректный русский эквивалент этого имени, принадлежавшего, в частности, римскому императору, – не *Валерьян*, а *Валериан*.

- Гавранек Б. 1963 – Залог (zelega verbí) в старославянском языке в сравнительном плане // Исследования по синтаксису старославянского языка. Прага, 1963.
- Дыбо В.А. 1981 – Славянская акцентология: Опыт реконструкции системы акцентных парадигм в праславянском. М., 1981.
- Крысько В.Б. 1994 – Развитие категории одушевленности в истории русского языка. М., 1994.
- ЛИ – Ипатьевская летопись // ПСРЛ. Т. 2. М., 1962.
- Ляпунов Б.М. 1912 – Отзыв о сочинении Н.М. Каринского: "Язык Пскова и его области в XV веке" // Сборник отчетов о премиях и наградах, присуждаемых Императорскою Академиею наук. IV: Отчеты за 1909 год. СПб., 1912.
- СДРЯ – Словарь древнерусского языка (XI–XIV вв.). Т. 1–4. М., 1988–1990.
- Селищев А.М. 1951 – Старославянский язык. Ч. 1. М., 1951.
- Сл XI–XVII – Словарь русского языка XI–XVII вв. Вып. 1–21. М., 1975–1995.
- Соболевский А.И. 1907 – Лекции по истории русского языка. М., 1907.
- Срезн. – Срезневский И.И. Словарь древнерусского языка. Т. I–III. М., 1989.
- ССС – Старославянский словарь (по рукописям X–XI веков). М., 1994.
- Усп. сб. – Успенский сборник XII–XIII вв. М., 1971.
- Фасмер – Фасмер М. Этимологический словарь русского языка. Т. 1–4. М., 1986–1987.
- Фортунатов Ф.Ф. 1908 – Состав Остромирова евангелия // Сборник статей, посвященных почитателями академику и заслуженному профессору В.Н. Ламанскому по случаю пятидесятилетия его ученой деятельности. Ч. 2. СПб., 1908.
- Щелкин В.Н. 1899 – Рассуждение о языке Саввиной книги. СПб., 1899.
- ЭССЯ – Этимологический словарь славянских языков: Праславянский лексический фонд. Вып. 1–21. М., 1974–1995.
- Aitzemüller R. 1967: 1969; 1970; 1974 – Suprasliensis-Materialien, I–IV // Anz. für slav. Philologie. 1967. Bd 2; 1969. Bd 3; 1970. Bd 4; 1974. Bd 7.
- Aitzemüller R. 1977 – Belegstellenverzeichnis der altkirchenslavischen Verbalformen. Würzburg, 1977.
- Aitzemüller R. 1978 – Altbulgarische Grammatik als Einführung in die slavische Sprachwissenschaft. Freiburg i. Br., 1978.
- Cooper D.S. 1972 – Old Church Slavonic *icěbba, *myrě, *privslati // Anz. für slav. Philologie. 1972. Bd 6.
- Diels P. 1932 – Altkirchenslavische Grammatik. Heidelberg, 1932.
- Kurz J. O rekonpozici prefigovaných sloves v slovanštině // Kurz J. Kapitoly ze syntaxe a z morfologie staroslověnského jazyka. Praha, 1972.
- Leskien A. 1962 – Handbuch der altbulgarischen (altkirchenslavischen) Sprache. 8. Aufl. Heidelberg, 1962.
- Lunt H.G. 1984 – On editing early Slavic manuscripts: the case of the Codex Suprasliensis, the Mstislav Gospel, and the Banica Gospel // IJSLP. 1984. V. 30.
- Miklasich F. 1851 – Monumenta linguae palaeoslovenicae e Codice Suprasliensi. Vindobonae, 1851.
- Moszyński K. 1957 – Pierwotny zasięg języka prasłowiańskiego. Wrocław: Kraków, 1957.
- Moszyński L. 1961 – Ze studiów nad rękopisem Kodeksu Zografskiego. Wrocław etc., 1961.
- SA – Sadnik L., Aitzemüller R. Handwörterbuch zu den altkirchenslavischen Texten. s-Gravenhage: Heidelberg, 1955.
- Shevelov G.J. 1964 – A prehistory of Slavic: The historical phonology of Common Slavic. Heidelberg, 1964.
- SSS – Slovník jazyka staroslověnského – Lexicon linguae palaeoslovenicae. I–45. Praha, 1958–1995.
- Vaillant A. 1948 – Manuel du vieux slave. P., 1948.
- Vaillant A. 1950 – Grammaire comparée des langues slaves. T. I: Phonétique. Lyon: P., 1950.
- Vaillant A. 1958 – Grammaire comparée des langues slaves. T. II: Morphologie. Pt. I: Flexion nominale. Lyon: P., 1958.
- Vaillant A. 1966 – Grammaire comparée des langues slaves. T. III: Le verbe. P., 1966.
- Vaillant A. – 1974 – Grammaire comparée des langues slaves. T. IV: La formation des noms. P., 1974.
- Vaillant A. 1977 – Grammaire comparée des langues slaves. T. V: La syntaxe. P., 1977.
- van Wijk N. 1931 – Geschichte der altkirchenslavischen Sprache. B.: Leipzig, 1931.
- Vondrák W. 1912 – Altkirchenslavische Grammatik. 2. Aufl. Berlin, 1912.
- Vondrák W. 1924 – Vergleichende slavische Grammatik. 2. Aufl. Bd 1. Göttingen, 1924.

© 1996 г. И.Г. РУЗИН

ВОЗМОЖНОСТИ И ПРЕДЕЛЫ КОНЦЕПТУАЛЬНОГО ОБЪЯСНЕНИЯ ЯЗЫКОВЫХ ФАКТОВ

Общим местом современной лингвистики является мысль, что понять природу языка можно лишь на основе изучения человека и его картины мира в целом. В ряде новейших исследований языковые проблемы рассматриваются в тесной связи с сознанием, мышлением и практической деятельностью человека. Все больше укрепляется идея о том, что невозможно найти объяснение формированию языковых структур исключительно на основе внутренних факторов [Лсе 1989], а также что описание слов с учетом их направленности на внеязыковую реальность может быть весьма продуктивным для выявления их собственного языкового содержания [UL 1988].

Исследуя отображение в языке окружающей человека действительности и преломление в нем неких внеязыковых категорий, мы приходим к заключению, что природа языковой единицы определяется очень сложной и подвижной совокупностью следующих факторов: 1) экстралингвистических — обусловленных объективной природой отображаемой в мысли и языке реальности¹; 2) концептуальных — обусловленных закономерностями отображения объективного мира сознанием человека; 3) собственно языковых — обусловленных собственными закономерностями, действующими в человеческом языке. Будем в дальнейшем противопоставлять первые два фактора третьему как концептуальные (внеязыковые) собственно языковому (неконцептуальному).

Основную задачу настоящей работы можно сформулировать в двух аспектах: 1) онтологическом — в какой мере природа языковых единиц зависит от внешних (концептуальных) факторов, а в какой мере от собственно языковых; 2) гифбсеологическом — какие языковые факты могут быть объяснены на концептуальной основе, а какие — нет. Естественно, мы не пытаемся претендовать на полное освещение вопроса, но как (используя грививальное сравнение) можно судить о свойствах воды по по одной ее капле, так же можно (с достаточной осторожностью) умозаключать о природе языка в целом на основании детального исследования его фрагмента. В качестве последнего была избрана сфера перцептивных атрибутов русского языка, т.е. лексем, именующих признаки окружающего мира, воспринимаемые с помощью пяти внешних органов чувств: зрения, слуха, осязания, обоняния и вкуса. Мы обозначаем классы, выделяемые на этой основе как модусы перцепции, или перцептивные модусы. Зрение подразделяется на несколько (суб)модусов: восприятие света, цвета, формы и размера (следует отметить, что вышеперечисленными модусами визуальное восприятие отнюдь не исчерпывается). Поскольку в данной статье затрагиваются скорее теоретические, чем дескриптивные аспекты, мы вынуждены оставить за ее рамками детальное описание лингвистической природы перцептивных признаков (подробный анализ данного материала представлен в работе [Рузин 1995]). Огра-

¹ Мы не идёмся в рассуждение о том, существует ли вообще эта реальность и какова ее природа. Нам импонирует представление ее в виде "экологического мира" Гиббсона [Гиббсон 1988] или "projected world" Джекендоффа [Jackendoff 1986]. Однако детальное исследование данной проблемы никак не входит в наши задачи.